

## АРЕАЛ ОБРЯДА «ВОЖДЕНИЕ КУСТА» И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

За пределами ареала обряда «вождение Куста» ещё в XIX в. фиксировались фрагменты, похожие на отдельные элементы этого обряда. Речь идет не только о периферии по отношению к ареалу обряда [5; 7; 8] и качественных отличиях феноменов, но и об их различной временной приуроченности. Обряд «вождение Куста» хорошо известный еще в XIX в., в его ареале, совпадающем с Пинщиной исторической, проводился только на Троицу [7, с. 319; 8, с. 118, 127; 9, с. 32], тогда как зафиксированные в XIX в. за пределами этого ареала фрагменты, похожие на отдельные элементы обряда Куст, были описаны в рамках обрядности на Купалу. Одно из таких описаний было сделано Н. Я. Никифоровским в с. Вымно Витебского уезда, другое – М. Федоровским в Волковыском уезде [4, с. 251; 10, с. 316]. Комплексный анализ данных Н. Я. Никифоровского, М. Федоровского не позволяет отнести их к обряду «вождение Куста», поскольку они качественно отличаются от идеально-типической модели этого обряда, который в пределах своего ареала сохранился до XX в., а в некоторых случаях – до начала XXI в. [7; 8]. Следует отметить, что авторы XIX в., которые дали описания обрядов на Купалу, включающих фрагменты, похожие на отдельные элементы обряда «вождение Куста», не утверждали, что эти фрагменты идентичны хорошо известному на то время обряду Куст в Пинском Полесье.

Н.Я.Никифоровский в своей работе привел следующие данные, которые зафиксированы им в с. Вымно Витебского уезда: «В канун Купалы одну из девушек “ображають кустом”, навешивая и опоясывая зеленью из трав, цветов и веток. В сопровождении толпы “куст” проходит всю деревню, земно кланяется каждому дому и тут же перевертывается на пятке три раза. Выйдя в чужое непременно поле, участники сжигают зелень и, при пении и “скоках” чрез огонь, проклинают “видьмаров” и волков, которые тогда же начинают испытывать мучительные боли и даже “гинуць” (Вымно, до 1860 г.)» [4, с. 251]. Описанные автором действия осуществлялись в рамках купальской обрядности, кустовые песни при этом не исполнялись. Зафиксированное в с. Вымно поведение наряженного в зелень персонажа – «перевертывается на пятке три раза», как и «скоки» участников обряда через огонь в его заключительной части никогда больше не фиксировалось, то есть это нехарактерные для обряда Куст действия. В XIX в. в рамках купальского обряда необычное поведение наряженного в зелень персонажа (никогда не встречавшееся в ареале обряда Куст, а также отличающееся от описанного выше случая в с. Вымно) было зафиксировано М.Федоровским в местечке Лысково Волковыского уезда.

В статье «Функциональная природа абраду Куст» (1999 год) нами были рассмотрены данные М.Федоровского, полученные им в конце XIX в., в которых была представлена редкая локальная традиция на Купалу с обрядовым персонажем, который был наряжен в зелень [6, с. 84–85]. Определение в 90-е годы XX в. современных границ ареала обряда Куст, полученный качественный массив данных о структурных компонентах обряда в этом ареале, его ритуальных, вербальных, темпоральных, локативных компонентов, обрядовой терминологии и т. д. позволили рассмотреть пример М. Федоровского с учетом этих данных и новых результатов исследований. Определение ареала обряда позволило сформулировать положение о его периферии [5, с. 12, 16; 6, с. 84–85; 7, с. 309; 8, с. 123–124]. Был сделан вывод о периферии пространства и времени обрядовых действий, зафиксированных М. Федоровским [6, с. 84–85].

В научной литературе встречается ошибочное рассмотрение обрядовых действий, описанных М. Федоровским в конце XIX в., как идентичных обряду Куст, в том числе и в публикациях в последние годы [1, с. 165, 170; 2, с. 5, 11]. При этом не учитывается, что описание М.Федоровского – это не описание варианта обряда Куст, а описание обряда Купалы в одной из локальных традиций. Некорректно, что данные М.Федоровского приводятся избирательно, необоснованно опускаются описанные автором важные содержательные компоненты этой локальной традиции [1; 2, с. 5, 11, 39], то есть те составляющие описания М. Федоровского, которые указывают на обряд Купалы. Ниже представлены данные М. Федоровского:

«1774. W. (*Od Lyskowa – Kuklicze*) “У нас на Купайло ўвечары дзяўчата адну між сiбе ўстраць ў галле, паяскамі папрывязываюць, так што зусім выдаесце, што куст і абводзяць ее спеваючы ад хаты да хаты, а хлопцы іх [*дзяўчат. – О. Ш.*] вадой абліваюць, а калі рэчка дзе блізка, то куста і ў воду кідаюць. После ідуць да карчмы і гуляюць цэлу ноч”» [10, с. 316]. Как следует из данных Федоровского, при этом исполнялась типичная купальская песня: «1775. 1. “Сегоня Купайло // А заўтра Ян, // Ой будзе хлопцы // Ліхо вам; // Ой будзе ліхо ліхо, // Пажэніце сьвіне у поле...”» [10, с. 316].

Нами были проведены полевые исследования в д. Лысково Пружанского района Брестской обл. (в прошлом местечко) и окрестных деревнях: Груск Пружанского р-на Брестской обл. (ранее – Грушовцы Волковыского уезда Гродненской губ.); Вильяново Пружанского р-на Брестской обл. (ранее – Ковалевцы

Волковысского уезда Гродненской губ.); Кукличи Свислочского р-на Гродненской обл.; Мосевичи Пружанского р-на Брестской обл. [9, с. 57–59, 62–63].

Полученные данные позволяют восстановить и дополнить информацию об интересующих нас обрядовых действиях сельской молодежи на Купалу в Лысково, которые в конце XIX в. были описаны М. Федоровским. Лысково – в прошлом местечко; волостное правление. В конце XIX в. здесь были православная церковь, каплица, синагога, еврейский молитвенный дом, школа, 14 лавок, пивная лавка [3, с. 73].

Как отмечает информант (1929 г. р.) из д. Лысково Пружанского р-на, «Ужэ пры мне не было. Мая маці расказвала і бацько расказваў, што *куста* прыбіралі... на Купайло. І па еўрэх той *куст* хадзіў, танцаваў. І еўрэйі выносілі булкі. Там абаранкаў яму...Да. А той *куст* па еўрэйскіх ганках танцаваў. Песні спяваў...Брадзяжкі. ...*куста* вадзілі ўвечары, як еўрэйі сядзяць на крыльцах, то ўжэ той *куст* прыдзе і тупае на крыльцэ том. А ўжэ еўрэйі выносяць...Па хазяевах яны не хадзілі. Ано па еўрэх. Усёй цэнтр гэты. Сплашное, адны еўрэйі тут былі, то партныя, то сапожнікі. Многа было...». Информант знает о рассматриваемых обрядовых действиях на Купалу в м. Лысково по рассказам своего отца и матери, которые родились в одном 1888 г. в Лысково: «Бацько бачыў, маці бачыла, бо тут яны радзіліся, тут яны і жылі. То гэто яшчэ пака ў Расію ехаць, гэто было. Вот...Тая вайна, як немец прыйшоў яшчэ сюды, той першы...Яшчэ да вайны гэто было. Бо нашыя ў вайну выехалі ў Расію. У дваццаць втаром гаду вярнуліся з Расіі». Другой информант (1924 г. р.), родившийся и выросший в д. Мосевичи Пружанского р-на, рассказал следующее: «На Купайло... хадзілі, вадзілі, як называлі *куста*...», «На Купайло галінкамі абстаўлялі. Хто сагласіцца... Яно аджывало», «Это ўсё халастыя былі, маладзёж», «Як калі прыспасобяцца. Калі моцна ўбяручь. А калі крыху галінкамі абставяць. Яно аджывало», «Па сяле прайдуць». При этом, по словам информанта, исполняли песню: «Сёння Купайло, завтра Ян, // Ліхо малойчыкам, і ліхо нам».

Таким образом, в м. Лысково в конце XIX в. еще сохранялись обрядовые действия сельской молодежи (парней и девушек) на Купалу, которые включали ржание одной из участниц в зелень, при этом исполнялись купальские, а не кустовые песни. Согласно имеющимся данным, обрядовая процессия останавливалась на пороге домов евреев, хозяев (крестьянские дворы) не посещали. В м. Лысково наряженная в зелень женщина исполняла песни, что было исключено при проведении кустового обряда. Главная фигура обряда «вождение Куста» всегда молчалива [8, с. 128]. Парни не были участниками обряда Куст, обливание парнями девушек (женщин) водой в рамках этого обряда не имело место, было не допустимо.

В ходе проведенного нами полевого исследования в находящейся рядом с Лысково д. Кукличи Свислочского р-на Гродненской обл. было опрошено семь информантов, которым были заданы вопросы о наличии обряда Куст. Все опрошенные информанты, коренные жители д. Кукличи отрицали наличие традиции Куста. Ответы информантов были следующими: «Пры маёй памяці не было»; «Не за маю памяць» и т. д. (Кукличи Свислочского р-на Гродненской обл.). Не подтверждают наличие традиции информанты в деревнях Груск, Вильяново Пружанского р-на Брестской обл.

В м. Лысково уже в конце XIX в. фрагменты обрядовых действий, похожие на элементы кустового обряда, были приурочены к обряду Купала, при этом имело место использование фрагментов уже распавшейся формы кустового обряда (включающей купальские песни и не характерное для кустовой обрядности поведение наряженной в зелень главной фигуры обряда), то есть обрядом Куст эти действия в конце XIX в., когда их описал М.Федоровский, не были. Можно предположить, что возможная в прошлом в рассматриваемой местности кустовая традиция появилась в результате миграционных процессов, была не продолжительной, распалась и исчезла в своей распавшейся форме к началу XX в. Изменение и утрата традиции имели место не только в местечке Лысково, но и в его окрестности. Полученные данные показывают, что отдельные фрагменты, похожие на элементы кустовой обрядности, могут быть самыми разнообразными и использоваться в самих различных контекстах, однако эти фрагменты ценности для анализа функциональной природы архаической кустовой обрядности не представляют. В начале XX в. эта традиция исчезла. Рассматривать эти данные в качестве основы для анализа функциональной природы обряда Куст неверно, что было нами отмечено ранее в научных публикациях [6, 84–85; 8, с. 123–124]. Нет никаких оснований говорить о какой-то сохранившейся в конце XIX в. лысковской модели «кустовой фиксации», поскольку реально имели место только отдельные разрозненные фрагменты в рамках компактной территории (м. Лысково и его окрестности), при этом в близлежащих населенных пунктах отмечается отсутствие однообразия ритуальных действий. В м. Лысково главный персонаж – женщина, в окрестности – парень или девушка из числа неженатой молодежи, в м. Лысково совершался обход дворов евреев, в окрестности – нет, в м. Лысково главный персонаж исполнял песни, обращался к хозяевам, в окрестности, как следует из данных, полученных от информантов, наряженный в зелень персонаж оставался пассивным. Анализ фрагментов, зафиксированных к концу XIX в. в м. Лысково и его окрестности выявляет их существенные качественные различия в отдельных населенных пунктах. Эти различия свидетельствуют об отсутствии признаков устойчивой традиции, о ее нестабильности по сравнению с ареалом обряда Куст. Таким образом, одного лишь признака ржания в зелень участника обрядовых действий недостаточно для того, чтобы сделать заключение о том, что это обряд Куст.

Информация о так называемых «кустовых фиксациях» [1] в м. Лысково и его окрестности конца XIX в. в лучшем случае может показать, каким образом распался обряд, однако эта информация не может быть использована для определения функциональной природы обряда Куст. Как образовалась эта локальная купальская традиция, как долго была распространена в рассматриваемой местности, неизвестно. На

неустойчивость рассмотренных периферийных феноменов указывает то, что уже в XIX в. они существенно отличались от известных на то время описаний обряда Куст и уже в начале XX в. исчезли, в то время как традиция в ареале обряда «вождение Куста» сохранилась в живом бытовании в Пинском Полесье до начала XXI в.

Зафиксированный к настоящему времени массив данных об обряде Куст в рамках его ареала (как по записям XIX в., так и по результатам полевых исследований в 90-ые гг. XX в. – начале XXI в., Шарая О.Н.) позволил сделать вывод о том, что в границах ареала обряд хорошо сохранился [8, с. 113–145; 181–191], а также вывод о том, что эти данные являются основой для определения исторической семантики обряда «вождение Куста» [8, с. 124]. Фиксации за пределами ареала такой основой не являются [6, с. 85].

Периферийные фрагменты, напоминающие отдельные элементы обряда Куст, представляют интерес с точки зрения их географии, что позволяет рассматривать возможное в прошлом распространение кустового обряда в результате миграции. Вопрос о том, в каком виде на периферии обряд сохранился в результате миграционных процессов и иных социокультурных воздействий, требует тщательного изучения в каждом конкретном случае.

#### Список литературы:

1. Антропов, Н. П. Белорусские этнолингвистические этюды: 3. «Куст» (часть первая) // *Ethnolinguistica Slavica*: к 90-летию акад. Никиты Ильича Толстого. – М.: Индрик, 2013. – С. 162–179.
2. Антропов, Н. П. «Вождение Куста» в контексте проблематики белорусско-инославянских (неславянских) этнолингвистических соответствий: доклад на XV Междунар. съезде славистов, Минск, 20–27 авг. 2013 г. / Н.П. Антропов / Нац. акад. наук Беларуси; Беларус. ком. славистов. – Минск: Права і эканоміка, 2013. – 46 с.
3. Волости и важнейшие селения европейской России. – Вып. V. 1886 год. – СПб., 1886.
4. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская типо-литография, 1897. – [2], X, 307, 30 с.
5. Шарая, В. М. Вясенне-летні цыкл абрадавай паэзіі Піншчыны (узроўні прасторава-часавых адносін): аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.09 / АН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы. – Мінск, 1995. – 20 с.
6. Шарая, В. М. Функцыянальная прырода абраду Куст / В. М. Шарая // *Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 1999. – №3. – С. 84–88.
7. Шарая, В. М. Абрад Куст: функцыянальная прырода, трансфармацыя. Мастацкі свет песень / В. М. Шарая // *Каляндарна-абрадавая паэзія* / А. С. Ліс, А. І. Гурскі, В. М. Шарая; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – С. 307–332.
8. Шарая, О. Н. Ценностно-нормативная природа почитания предков / О. Н. Шарая. – Минск: Тэхналогія, 2002. – 249 с.
9. Шарая, Ольга. Западнополесский обряд «вождение Куста» как социокультурный феномен и проблемы его изучения // *Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навуковых прац.* – Выпуск 2. – Мн.: «Беларуская навука», 2015. – С. 32–66.
10. Federowski, M. *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. T. I: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki.* – W Krakowie, 1897. – 509 s.

Уладзімір Лобач

#### КУЛЬТАВЫЯ КРЫНІЦЫ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ: ФЕНОМЕН СУЧАСНАЙ РЫТУАЛІЗАЦЫІ ПРЫРОДНЫХ АБ'ЕКТАЎ

Ушанаванне і культавае выкарыстанне водных аб'ектаў (рэк, азёр, крыніц) – універсальная з'ява ў культуры чалавечай цывілізацыі, якая мае сваім міфалагічным грунтам архетыповае ўспрыняцце вады як зыходнай субстанцыі ўсяго існага (хаоса) і ўласна жыццядайнай сілы, з дапамогай (пасродкам) якой свет і чалавек нараджаюцца, адраджаюцца, перанараджаюцца. Аднак, характар, змест і формы ўшанавання водных аб'ектаў маюць выразны адбітак канкрэтнай этнакультурнай традыцыі, у рамках якой яны і існуюць.

Культ крыніц на беларускіх землях мае даўнюю гістарычную традыцыю і, сярод іншых праяў язычніцтва, узгадваецца яшчэ ў XII ст. тураўскім епіскапам Кірылам. Пры гэтым, у павучаннях Кірылы Тураўскага ўзгадваюцца дзве асноўныя катэгорыі водных культавых аб'ектаў, якія з'яўляюцца найбольш пашыранымі і ў наш час – калодзежы і ўласна крыніцы, якім прыносіліся ахвяры: «Ни жрем бездушными долом... не служим бо твари паче Творца, не чтем огня, не работаем солнцу, не даём требы горам, ни кладзем с источники» [1, с. 377]. Аднак устойлівасць і шырокая распаўсюджанасць культавага ўшанавання водных аб'ектаў была настолькі моцная, што хрысціянская царква мусіла змяніць сваю тактыку ў дачыненні да гэтай традыцыі і, замест асуджэння, адаптаваць яе да сістэмы ўласных каштоўнасцяў. На сённяшні момант «святыя крыніцы» вядомыя ва ўсіх рэгіёнах Беларусі, пры гэтым, іх значная частка ўключана ў сістэму народна-